

Николайчук Анна Сергеевна

СТРУКТУРАЛИСТЫ О ПАРАТАКСИСЕ И ГИПОТАКСИСЕ

В статье впервые освещены теоретические проблемы сочинения и подчинения сложного предложения в концепциях таких структуралистов, как С. О. Карцевский, З. Харрис и Л. Теньер, П. Дидериксен и др. Выявлены отличительные черты структурализма в контексте исследуемой проблемы. Сделаны выводы о том, что структурная лингвистика создала предпосылки для решения вопроса о видах связей частей сложного предложения, значительны попытки объяснить механизм преобразования простого предложения в сложное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 125-128. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'367.335'18/20'

Филологические науки

В статье впервые освещены теоретические проблемы сочинения и подчинения сложного предложения в концепциях таких структуралистов, как С. О. Карцевский, З. Харрис и Л. Теньер, П. Дидериксен и др. Выявлены отличительные черты структурализма в контексте исследуемой проблемы. Сделаны выводы о том, что структурная лингвистика создала предпосылки для решения вопроса о видах связей частей сложного предложения, значительны попытки объяснить механизм преобразования простого предложения в сложное.

Ключевые слова и фразы: паратаксис; гипотаксис; сложное предложение; историография; концепции; структуралисты.

Николайчук Анна Сергеевна*Донбасский государственный педагогический университет**nik_annie@mail.ru***СТРУКТУРАЛИСТЫ О ПАРАТАКСИСЕ И ГИПОТАКСИСЕ[©]**

Формирование историографии лингвистики и, в частности, истории грамматики как научного предмета немислимо без анализа и обобщения конкретных грамматических идей и концепций.

Актуальность настоящей статьи определяется теоретическими потребностями развития современного языкознания, в частности, важностью исследования и обобщения истории лингвистических учений в связи с их современным состоянием.

Освещению проблем анализа синтаксических концепций языковедов XIX в. – начала XXI в. в целом отводится большое место в работах лингвистов. В этом смысле показательны работы В. В. Виноградова [2], Е. М. Ширяева [6], В. В. Щеулина [7], В. И. Собиной [4] и др. Тем не менее, до сих пор нет специальных исследований, посвященных концепции паратаксиста и гипотаксиста в трудах представителей структурализма.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать вклад структуралистов в развитие и уточнение представлений о сочинении и подчинении.

Попыткой преодоления методологических трудностей традиционной лингвистики стало создание Ф. де Соссюром в начале XX века структуральной теории языка – теории, нацеленной главным образом на внутренние отношения и зависимости компонентов языка.

Представители структурализма пытались перенести в грамматику понятия и исследовательские процедуры, которые до этого зарекомендовали себя в фонологии. Важный прогресс в изучении синтаксиса был достигнут в рамках пражского функционализма и американской дескриптивной лингвистики.

Теорию паратаксиста и гипотаксиста в сложном предложении исследовали представители структурализма: С. О. Карцевский (Пражская лингвистическая школа), З. Харрис и Л. Теньер (трансформационная грамматика), В. Брэндал, П. Дидериксен (глоссематика). В основе исследования сочинения и подчинения представителями этого периода лежал структурный подход.

Вопрос паратаксиста и гипотаксиста изучал С. О. Карцевский, который связывал отличие сочинения от подчинения со структурой диалога. Ученый утверждал, что говорящий в пределах одной коммуникации-фразы заменяет в своем сознании то одного, то другого собеседника. Структуру сложносочиненного предложения лингвист уподоблял позитивному обмену репликами. Структуру сложноподчиненного – информативному диалогу.

По мнению исследователя, паратаксист является эксплицитным, потому что в нем употребляются специальные знаки – союзы, из которых самые основные, а именно **но**, **а**, **да**, **и**, – внесенные в середину фразы междометия.

С. О. Карцевский отмечал одну разновидность конструкций, которая существует без эксплицитации. Ученый утверждал, что в предложении *Отец еще с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу* применен прием экспрессии. Спаренные члены соединены с помощью союза, находящегося на ступени нуля. Этот союз двухвалентен, то есть может быть интерпретирован или как противительный (**но**, **а**), или как непротивительный (**и**) (этот союз лингвист называл нейтральным) [3, с. 125].

С. О. Карцевский возводил подчиненную часть сложного предложения с относительным местоимением к косвенному вопросу. Ученый делает попытку глубоко наметить линии развития сложноподчиненного предложения. Лингвист утверждал, что подчинению как психологически, так и исторически предшествует бессоюзие.

По мнению исследователя, при подчинении разворачиваются отношения, которые свойственны бессоюзным структурам. В русском языке используются для этой цели местоимения серий *t* (деиктической) и *k* (игноративной) [Там же, с. 126].

С открытыми бессоюзными структурами преемственно связаны сложноподчиненные предложения, структуру которых С. О. Карцевский обозначает формулой *t/k* (соответственно последовательности местоимений

в их частях, типа *Он поступил так, как ему советовали*). Наследниками закрытого бессоюзия являются предложения, структуру которых отражает формула k/t , типа *Кто не работает, тот не ест*.

По мнению С. О. Карцевского, относительное подчинение возникло на основе диалога. Ученый отмечал взаимную зависимость местоимений t и k друг от друга при гипотаксисе.

Сам процесс объединения kt и последующего преобразования в последовательность tk С. О. Карцевский не объяснил. Выделяя косвенный вопрос одним из этапов в развитии относительного гипотаксиса, ученый не касается того, каким образом возникли сложные предложения, подчиненная часть которых связана с именным членом главной части.

Позже появилась трансформационно-порождающая грамматика. Генеративная теория, подобно структуральным теориям в центр исследования ставила предложения, но толковала его принципиально по-другому. Реальные предложения языка обозначались поверхностными структурами, которые образовались от соответствующих глубинных структур с помощью определенных трансформационных правил.

В результате приложения трансформации координации порождаются предложения сложносочиненного типа, при добавлении трансформации субординации – сложноподчиненные предложения. Для предложений с координационной связью характерно присоединение одной выходной структуры к другой. Они выступают как равнозначные и нанизываются одна на другую, располагаясь по горизонтали. Обязательным условием для порождения этого типа сложного предложения является отсутствие идентичной группы подлежащего и группы сказуемого в выходных предложениях [8, S. 139; 9, p. 12].

3. Харрис доказывал, что разные типы последовательностей предложений и сложных предложений состоят из одного предложения и трансформ другого. Трансформации переделывают предложение в именную группу, или в адъективную группу, или в сочиненное или подчиненное предложение.

Трансформационный анализ последовательности или соединений предложений, который предложил ученый (на основе его теории нулевых морфем и общих слов), объединяет наиболее спорные тенденции английской логической, научной и структуральной грамматик.

В выводах лингвист сформулировал цель своего исследования: нормализовать текст с помощью трансформации, для того чтобы сложность многих предложений не препятствовала анализу речи. З. Харрис считает, что для этой цели необходимо трансформировать предложения и их части, которые содержат те самые слова, так, чтобы по возможности они получили одну и ту же структуру [9, p. 319-322].

Исследовав все случаи последовательного соединения предложений, ученый пришел к выводу, что почти во всех таких последовательностях одно из предложений (чаще первое) не трансформируется и может быть названо главным предложением. Оно присутствует в любом типе соединения.

1. Два или больше предложений могут быть полностью независимыми один от другого, например, в ряде соединений $S C S$.

2. Все предложения, кроме главного, могут быть зависимыми, если некоторые из совместно встретившихся в них слова не появляются в главных предложениях или если S_1 и S_2 не встречаются в обратном порядке при одном и том же соединенном элементе.

3. Могут быть зависимыми все предложения. В том случае каждое из предложений содержит элементы, которые встречаются в соседстве с другими, как, например, контрастных паритивных прилагательных.

4. Вопросительное предложение можно считать полностью зависимым, потому что оно во всем, кроме трансформаций и вводного соединительного (или вопросительного) элемента, идентично утверждающему предложению.

Особое место в направлении структурализма занимает теория Л. Теньера, которая изложена в работе «Основы структурного синтаксиса» (1959 г.) [5]. Книга французского лингвиста представляет собой одну из наиболее значительных работ по синтаксису, опубликованных за последние десятилетия. В ней развивается теория грамматики зависимостей, закладываются основы семантического синтаксиса, а также разрабатывается теория языковых преобразований, объясняющая формирование синонимических средств выражения в языке и виды трансформаций при переводе.

Л. Теньер разработал универсальную модель предложения, опирающуюся на некоторые важные постулаты: всеобщность и однонаправленность синтаксической связи; наличие в предложении одного грамматического центра (глагола), сочетаемость которого определяет структуру предложения; неединственность способа отображения структурной иерархии в линейную последовательность синтаксических единиц; различие участников ситуации (актантов) и ее обстоятельств (сирконстантов).

В ряде случаев при переводе с одного языка на другой приходится заменять одну структуру другой. Л. Теньер называет это структурное преобразование термином *метатаксис*.

Следовательно, лингвист отмечает сложные виды перевода, в которых приходится использовать не только в какой-то мере механическую операцию замены одного слова другим, но и прибегать к структуре, отличной от той, которая имеется в переводимом предложении, то есть переосмысливать данное предложение на языке перевода.

Л. Теньер считает, что сочинительной структуре в одном языке соответствует подчинительная структура в другом. Паратактическая конструкция представляет собой два означаемых, расположенных на одном и том же структурном уровне. Такое расположение означаемых ученый называет сочинением. Напротив, гипотактическая структура – это помещение одного означаемого ниже другого.

По мнению лингвиста, более или менее сложные идеи выражаются в том или ином языке в форме паратаксиса, и только по мере развития языка появляется возможность осознавать и выразить гипотактический характер связи между идеями. Л. Теньер считает, что этот процесс является воспроизведением интеллектуального развития отдельного индивида. Ребенок сначала упорядочивает свои мысли с помощью паратаксиса, и только после того, как его интеллект становится достаточно зрелым, он приобретает способность улавливать гипотактические связи между идеями [Там же, с. 330].

Итак, в любом языке гипотаксис появляется только после паратаксиса. Даже в таком языке, как латинский, который достиг высокой степени абстракции, многие семантические комплексы выражаются с помощью паратаксиса, французский же язык усматривает в этих комплексах гипотактические отношения. В таком случае при переводе паратаксису в латыни должен соответствовать гипотаксис во французском языке.

Л. Теньер полагает, что «наиболее сложные случаи метатаксиса представлены построениями, в которых подчиненные узлы представляют собой части сложного предложения. Нередко в латыни между такими частями устанавливается сочинительная связь, в то время как во французском они находятся в отношении подчинения» [Там же, с. 332].

Сложные предложения ученый анализирует через явления юнкции и трансляции. Л. Теньер отмечает: «...редки случаи, когда в предложении нет хотя бы одного явления юнкции или трансляции. Поэтому сложные предложения более многочисленны, нежели простые» [Там же, с. 336]. Инструментами юнкции и трансляции являются, соответственно, юнктивы и транслятивы (категории неполнозначных слов статического синтаксиса).

Под понятие *трансляции* подпадает широкий спектр явлений – не только случаи собственно подчинения, но и несогласованное определение (*le livre de Pierre*) или имя деятеля (*chanteur*) – результат лексической деривации. Трансляция представляет собой переход «полнозначного слова одной грамматической категории в другую грамматическую категорию» [Там же, с. 364].

Теоретическое наследие Л. Теньера трудно переоценить. Автор структурного синтаксиса разработал целый ряд понятий, которые надолго опередили его время и оказались в центре внимания новых парадигм: когнитивной, генеративно-трансформационной, функциональной.

Н. П. Анисимова, анализируя синтаксическую теорию ученого, отмечает, что «понятия синтаксической связи и трансляции, составляющие основу динамического синтаксиса, придают модели Л. Теньера гибкость и могут рассматриваться как одна из первых попыток адаптации нелогической математической модели Р. Тома к лингвистической моделизации» [1, с. 34].

Обобщая изложенное выше, следует признать, что теория трансляции Л. Теньера превосходит работы трансформационалистов, будучи одновременно и более широкой (исследование проводится на уровне лексики и лексической деривации), и более узкой (в теорию трансляции не входит подчинительная связь), однако и тот, и другой подходы позволяют проследить механизм преобразования простого предложения в сложное.

Следует отметить, что Л. Теньер в ходе исследования паратаксиса и гипотаксиса исходит из наблюдения над фактами множества языков, что обеспечивает реальность и достоверность теоретических построений.

П. Дидериксен констатировал позиционное различие независимых (главных) и подчиненных предложений и приписывал тому и другому типу предложений отличительные позиционные схемы, в которых не совпадают два поля из трех. *Нексусное поле* в главном предложении имеет структуру: подлежащее – финитный глагол – пропозитив, в придаточном предложении – подлежащее – пропозитив – финитный глагол [8, S. 244].

Ученый устанавливал еще одно важное различие, а именно то, что в начале главного независимого предложения имеется *фундаментальное поле*, отсутствующее в структуре придаточного предложения (последнее вместо этого поля начинается с подчинительного союза).

Фундаментальное поле – это не что иное, как предфинитная позиция, относительно которой мы выяснили, что она имеет полифункциональный характер: вначале независимого предложения перед финитным глаголом может стоять подлежащее, дополнение, предикатив и другие члены, каждый из которых имеет также отдельную позицию в послефинитной части предложения. Этим обеспечивается возможность перестановок из послефинитных позиций в предфинитную и наоборот.

П. Дидериксен приходит к выводу, что различие независимых и подчиненных предложений выявляется как в структуре их позиций, так и в структуре перестановок.

Таким образом, помимо других отличительных черт, структурализм обладал двумя особо интересующими нас в контексте исследуемой проблемы характеристиками: 1) центральной единицей лингвистического анализа впервые было объявлено предложение; 2) интерпретировать предложение предлагалось в сугубо формальных терминах, а основными аналитическими процедурами его исследования становились трансформации разного рода (деление по непосредственно составляющим, субституция, элиминация и т. п.).

Структурная лингвистика создала предпосылки для решения вопроса о структурных характеристиках предложения как базисной единицы синтаксиса. Значительны попытки объяснить механизм преобразования простого предложения в сложное (теория трансляции Л. Теньера). Внимание к видам связей частей сложного предложения является весомым достижением.

На современном этапе развития лингвистики наличие работы, посвященной изучению сочинения и подчинения в концепциях структуралистов, а также систематизация имеющихся результатов является стимулом для дальнейшего установления закономерностей эволюции взглядов лингвистов XIX в. – начала XXI в. на паратаксис и гипотаксис.

Список литературы

1. **Анисимова Н. П.** Историко-эпистемологический анализ французских семантических теорий: диссер. ... докт. филол. наук. Тверь, 2002. 324 с.
2. **Виноградов В. В.** Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Высшая школа, 1950. 410 с.
3. **Карцевский С. О.** Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 125–133.
4. **Собинникова В. И.** Роль паратаксиса в формировании подчинения и его характеристика в трудах А. А. Потехни // Потехнянські читання: зб. наук. праць / відп. ред. Г. П. Іжакевич. К.: Наукова думка, 1981. С. 40–54.
5. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
6. **Ширяев Е. М.** Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 221 с.
7. **Щеулин В. В.** Структура сложного предложения. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1968. 102 с.
8. **Diderichsen P.** Elementær Dansk Grammatik. Copenhagen: Nordisk forlag, 1964. 298 S.
9. **Harris Z.** String Analysis of Sentence Structure. Hague, Mouton, 1962. 420 p.

STRUCTURALISTS ABOUT PARATAXIS AND HYPOTAXIS

Nikolaichuk Anna Sergeevna
 Donets Basin State Pedagogical University
 nik_annie@mail.ru

The author for the first time covers the theoretical problems of the complex sentence coordination and subordination in the conceptions of such structuralists as S. O. Kartsevskii, Z. Harris, L. Tesnière, P. Diderichsen and others, reveals structuralism distinctive features in the context of the problem under research, and comes to the conclusions that structural linguistics preconditioned the solution of the question about the connections types of the complex sentence parts, within its limits significant attempts were undertaken to explain the mechanism of the simple sentence transformation into a complex one.

Key words and phrases: parataxis; hypotaxis; complex sentence; historiography; conceptions; structuralists.

УДК 811.111

Филологические науки

Статья посвящена исследованию «насмешки» как специфического проявления категории комического в английском языке. Ситуация «насмешка» рассматривается в рамках прагматического подхода; анализируются отношения и речевые интенции коммуникантов, окружающая обстановка. На основании полученных данных выдвигается положение о существовании двух контрастных сценариев реализации прагматической ситуации «насмешка» в британской лингвокультуре.

Ключевые слова и фразы: комическое; прагматическая ситуация; насмешка; маркеры насмешки; когнитивный сценарий; комический признак.

Ножевникова Елена Геннадьевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
 elen.genna@gmail.com

**СЦЕНАРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ «НАСМЕШКА»
 В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ[©]**

Комическое – сложная философско-эстетическая категория, характеризующая «смешную сторону действительности и душевной жизни» [6]. Смех является неотъемлемой частью бытия человека, что обуславливает непреходящий интерес к данной области исследования. Анализируя ситуации из повседневной жизни, можно выделить добрый, циничный, жизнерадостный, обрядовый и др. типы смеха. Однако именно **насмешливый смех** правомерно считать первоочередным и наиболее подходящим при исследовании комической стороны человеческой жизни, поскольку смеяться могут и животные, а вот насмехаться свойственно только человеку [7].

Многообразие проявлений категории комического привело к возникновению множества классификаций по видам, жанрам, типам комического. Общепринято выделение следующих видов комического: остроумие, юмор, ирония, насмешка, гротеск (в то время как комедию, сатиру, бурлеск, шутку, эпиграмму, карикатуру, фарс, пародию относят к жанрам комического в искусстве) [5]. Однако место «насмешки» в структуре смеховой культуры остается неоднозначным, и специфика реализации данной прагматической ситуации требует тщательного рассмотрения.

Юмор можно охарактеризовать как способность человека воспринимать комическое, находить смешное в противоречивости действительности. Во всех проявлениях – юмор может быть дружеским и враждебным,